

К 60-летию со дня рождения Василия Быкова

ХУДОЖНИК ТОНКИЙ, СОВЕСТЛИВЫЙ

От имени всех своих читателей сердечно поздравляем Василия Владимировича Быкова со славным юбилеем, присвоением высокого звания Героя Социалистического Труда и горячо желаем народному писателю Белоруссии новых сил для его благородного служения людям, Отечеству!

Если б мне предложили предельно сжато определить творческую и гражданскую суть Василия Быкова, я остановился бы на трех словах, вынесенных в заголовок коротеньких заметок об этом моем младшем фронтовом побратиме, писателе, пришедшем из войны и ей посвятившем все свои книги. Я бы мог назвать его и однополчанином, хотя мы служили не в одном и том же полку, даже не в одной и той же дивизии. А вот военные дороги у нас были одни и те же. И не менее ухабистая литературная стезя весьма схожа. А в недавнем письме ко мне Василий Владимирович вскользь заметил, что бывал в моих саратовских краях, тех самых, о которых рассказывает в романе «Драчуны».

Ну чем же не однополчанин?! Но в слово это мне хотелось бы вложить более широкий и глубокий смысл. Бывает же однополчанство по духу, по убеждениям, по взглядам на исторические события и просто на жизнь, в том числе и на фронтовую. Литераторов, вышедших как бы прямо из войны, немало. Одно их перечисление потребовало бы страницу убоистого, что называется, текста. Некоторые из них со временем вышли в правофланговые советской литературы. К таким совершенно очевидно принадлежит и Василь Быков, народный писатель Белоруссии, лауреат Государственной премии СССР, один из самых читаемых и почитаемых нашими народами художник.

Может быть, не сразу вывел он свое собственное художни-

ческое кредо. Не сразу, но, во всяком случае, очень скоро. Уже в первой военной повести, названной тревожно-лирически «Журавлиный крик», можно было почувствовать это кредо. В «Альпийской балладе», в «Дожить до рассвета», в «Ракете» авторская установка определилась отчетливо: писать о войне всю правду, исследуя ее по капиллярам через психологическое состояние ее участников в минуты и мгновения трагически тяжкие, где подвергается жесточайшему испытанию запас душевной и духовной прочности. Для такого исследования художник-аналитик сосредоточивает свои наблюдения за одним-двумя персонажами, острым взглядом, точно лучом лазера, проникает в самые тайные уголки нравственного мира человека и бережно, осторожно, совестливо выносит оценку этому человеку, ставшему героем повествования.

О Василе Быкове впервые заговорили сначала читатели, а только уж потом наша «не спеша поспешающая» критика. Пожалуй, это случилось с появлением повести «Альпийская баллада». Да простится мне одна маленькая подробность: к публикации этой вещи я имел счастливую возможность прикоснуться непосредственно. В мои руки «Баллада» попала после того, как была отвергнута одним или двумя столичными журналами. Помните, в отличие, разумеется, от автора, я страшно обрадовался, что такая славная штука кем-то и почему-то отвергнута, и теперь

мы в «Огоньке» (я в ту пору был там заместителем главного редактора) можем сделать ее достоянием многомиллионного читателя.

Испугала эта альпийская история некоторых, может быть, потому, что была решительно не схожа ни с чем, что писалось тогда о войне. В самом деле, где это видано и слышано, чтобы в гитлеровском концлагере советский военнопленный и итальянская полонянка совершают побег, пробираются через Альпы, в горных ущельях, прячась от преследователей, — шутка сказать! — влюбляются друг в друга! Теперь-то кажется более чем странным и удивительным, что никто не увидел в балладе главного и чрезвычайно важного — чувства не просто человеческого, но и того, что мы называем интернациональным, что составляло суть советского солдата, оказавшегося в столь необычных условиях. Может быть, скажи Быков об этом напрямую, в лоб, повесть его не встретила бы тех трудностей, о которых сказано выше. Но тогда не было бы Василия Быкова, того самого, без которого выглядела бы победней не только белорусская, но и вся советская литература.

«Его батальон», «Волчья стая», «Пойти и не вернуться», «Обелиск», — такие произведения могли выйти лишь из-под пера именно тонкого, умного и совестливого художника. Каждая повесть (любимый жанр Василия Быкова) ожидалась теперь с нетерпением и вызывала немедленный отклик сейчас уже и в критике. Не обзательный, кстати сказать, восторженный. Некоторые и ворчали. Этим не нравилось как раз то, от чего были в восторге (большинство!) другие. Бывали суждения противоречивые. Однако сбить зрелого мастера с избранного им пути в литературе уже было невозможно.

Представляется значительным тот факт, что свое шестидесятилетие Василь Быков отмечает в канун сорокалетия Победы. Ратному подвигу советских народов отдано им все лучшее, что сохранилось и вызревало в душе замечательного художника.

Я же остаюсь по-прежнему среди тех, кто с нетерпением ожидает новых, истинно быковских повестей.

Михаил АЛЕКСЕЕВ.